

ДЕЗИНФОРМИРОВАНИЕ «HIGHLY LIKELY» КАК СОВРЕМЕННАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Вербицкая Татьяна Владимировна

Государственный архив Свердловской области,
Екатеринбург, Россия
aquitania-17@ya.ru

Петрухин Александр Сергеевич

Военная академия Российской Федерации имени Александра Невского
Министерства обороны, Москва, Россия
petrukhin89@mail.ru

Аннотация. В работе изучаются особенности дезинформирования «highly likely» как политического инструмента, позволяющего получить и сохранить поддержку невластных акторов – субъектов воздействия манипуляции. В результате исследования авторы приходят к выводу, что результативность применения данной технологии в настоящее время носит временный характер, и если актор, против которого применяется эта технология, представит убедительные доказательства гражданскому обществу, тем, от кого зависит признание его легитимности, в чем состоят искажения распространяемой информации по крайней мере единожды, то и в перспективе ему удастся сохранить поддержку тех, от кого зависят его власть и статус.

Ключевые слова: новый миропорядок; переосмысление политических процессов; борьба за власть; нестабильность политических отношений; политические технологии; манипулирование сознанием; политические процессы; политические институты; политические отношения; дезинформация

DISINFORMATION “HIGHLY LIKELY” AS A MODERN EFFECTIVE TECHNOLOGY OF POLITICAL MANIPULATION

Tatiana V. Verbitskaia

Ural State Archives, Ekaterinburg, Russia
aquitania-17@ya.ru

Alexander S. Petrukhin

Military University named after Prince Alexander Nevsky,
Moscow, Russia
petrukhin89@mail.ru

Abstract. The authors study features of disinformation as a political tool applied to get and maintain the support of powerless actors – the subjects of manipulation. The authors come to the conclusion that the effectiveness of the application of this technology is currently temporary, and if the actor against

whom this technology is used provides convincing evidence to civil society, those on whom the recognition of its legitimacy depends, what are the distortions of the disseminated information at least once, then in the future he will be able to maintain the support of those on whom his power and status depend.

Keywords: new world order; rethinking political processes; power struggle; instability of political relations; political technologies; manipulation of consciousness; political processes; political institutions; political relations; disinformation

Современный мир представляет собой арену, на которой борьба акторов за власть и сохранение своих позиций происходит путем применения новых политических технологий [1, с. 89], не имеющих более ранних аналогов – санкции, разжигание цветных революций извне и дезинформирование по типу «highly likely», когда делается вероятностный вывод о недобросовестности поведения актора из событий, к которым актор был каким-либо образом причастен, и подозреваемого у него мотива направить течение этих событий в выгодное такому актору русло. Применение всех этих политических технологий, которые носят временный характер, поскольку период противостояния акторов не может длиться неопределенный срок и дестабилизация системы политических отношений невыгодна в долгосрочной перспективе ни одному из акторов, свидетельствует о переходном состоянии современного миропорядка.

Что же понимается под политической технологией? Политические технологии – это совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью изменения их политического поведения в достижении определенных целей, а также решения политических и управленческих задач [2, с. 141].

Следует отметить, что вопросу политического манипулирования посредством дезинформации с применением новых технологий уделено большое внимание исследователей [3, с. 27; 4, с. 65; 5, с. 24; 6, с. 381; 7, с. 94], однако не было осуществлено комплексное изучение дезинформирования «highly likely» как современной результативной политической технологии.

Для того чтобы определить, какие технологии нужно применять для противодействия дезинформированию «highly likely», необходимо определить специфику данного нового политического инструмента, особенностей его применения и выявить факторы, обуславливающие результативность его применения. Обратимся к анализу этой проблемы.

Дезинформирование «highly likely» можно определить как технологию, совокупность последовательно применяемых политических инструментов по определенному плану по представлению действий, решений и намерений актора как «наиболее вероятно» недобросовестных посредством частичного или полного искажения фактов, с применением техно-

логии дипфейк [8, с. 105], намеренного нарушения логики развития событий при характеристике поведения актора без представления полных и достоверных доказательств, апеллируя к авторитету излагающего факты, с тем, чтобы добиться преимуществ над этим актором, утраты им своих позиций и в целом легитимности.

Для чего применяется такая политическая манипуляция? В первую очередь, чтобы не допустить утраты своих позиций и легитимности в глазах мирового сообщества и гражданского общества из-за неэффективности при осуществлении внутреннего и внешнеполитического курса, что тем более актуально из-за продолжающегося снижения авторитета США после прихода к власти Д. Байдена и после Brexit для Европейского союза. Так, дело Скрипалей (когда впервые от Т. Мей прозвучало «highly likely») по отношению к роли России в отношении отравления «Новичком» семьи соотечественников) появилось после того, как начались внутренние беспорядки с расистским уклоном и неконтролируемые вспышки ничем не обусловленной агрессии в виде расстрелов людей в местах молитв, в маркетах, местах работы и учебы.

Инструменты дезинформирования «highly likely» можно классифицировать по направлению и выделить инструменты, направленные на: 1) актора – «жертву» манипулирования – очернение его роли в отношении определенных событий, придание ему ложных мотивов. Так, «отравление» А. Навального было определено как действия «режима» по устранению политической оппозиции. Даже повышение объемов поставок газа в Европу было определено как инструмент политического давления на Запад, злоупотребление своим положением доминирующего поставщика энергоресурсов. А попытка дезинформирования в виде обвинения России в намеренном снижении поставок и вовсе быстро потерпела неудачу; 2) обстоятельства, к которым «режим» имеет отношение, – завышение роли актора в этих событиях, определение его вмешательства в ход событий как намерение ухудшить ситуацию в свою пользу [9, с. 103]. В качестве примера можно привести обвинения России во вмешательстве в выборы США, обвинения в том, что Россия причастна к взрывам складов боеприпасов в Врбетице 16 октября и 3 декабря 2014 г. И в целом военнослужащих Петрова и Баширова можно определить как неотъемлемых участников любых сопряженных с применением или хранением оружия событий в любой точке мира; 3) объект манипулирования – придание ему большего веса со стороны «жертвы» манипуляции, чем на самом деле. Так, роль России в деле Скрипалей объяснена стремлением устранить слишком осведомленных в вопросах изготовления ОМУ соотечественников.

По направлению воздействия можно выделить инструменты – 1) провокации – намеренное навязывание актору определенной линии поведения, выстраивание обстоятельств таким образом, чтобы предста-

вить поведение актора по защите своей безопасности как намеренное причинение вреда, превышение пределов своей обороны. В качестве примера можно привести международный морской инцидент, который произошел 23–24 июня 2021 г., когда британский эсминец «Дефендер», следуя правилу «мирного прохода», двигался из Одессы в Батуми и при этом на 3 км углубился в 12-мильную зону у побережья Крымского полуострова. К числу таких инцидентов можно также отнести время начала военной операции России на Донбассе при одновременном намеренном усилении военных действий на этой территории со стороны ВСУ и работ по изготовлению ОМУ так, чтобы Россия не смогла не принять мер; 2) ссылка на известные данные об акторе. Так, известно, что в России ранее был коммунистический режим, значит, нет оснований полагать, что в настоящее время она будет соблюдать права человека, международное право; известно, что в России одна из лучших разведок и специалисты по информационным технологиям, соответственно, налицо причастность России к высокому уровню хакерским атакам и присутствие российских военнослужащих там, где хранится и будет применено или уничтожено оружие. Присоединение Крыма к России в марте 2014 г. более чем наглядное доказательство роли России в дестабилизации политической обстановки на Украине, обострении вооруженного конфликта на Донбассе; 3) подчеркивание отличности, обособленности актора от остального мирового сообщества, особенно наиболее влиятельных акторов. Так, всемерно подчеркиваются отличие России от Запада, превосходство Запада с традиционными ценностями демократии, рыночной экономики и соблюдения прав человека над Россией; 4) давление на осуществляемый актором политический курс посредством санкций. Один из самых ярких примеров – ситуация вокруг Иранской ядерной сделки; 5) обострение политической обстановки вокруг актора с тем, чтобы вынудить его решать одновременно ряд сложных проблем и у него не оставалось достаточных возможностей пресечь совершаемое в отношении него дезинформирование. Так, одновременно с дезинформированием «highly likely» резко возросло число политических кризисов на постсоветском пространстве не без внешнего вмешательства; 6) создание политических шумов, когда по разным информационным каналам с большим или меньшим авторитетом появляются представляемые небольшими объемами противоречащие друг другу сведения и сложно определить, когда и в какой последовательности защищаться от дезинформирования; 7) применение инструментов дипфейк (deepfake) – целого ряда цифровых технологий, позволяющих синтезировать очень реалистичный поддельный видео- или аудиоконтент.

Какие инструменты можно применить для того, чтобы защититься от дезинформирования, кроме того, что своевременно представлять

контраргументы? Ключевой момент состоит в том, чтобы использовать как разведывательные ресурсы, так и информационные каналы взаимодействия с зарубежными партнерами (такие, например, как действуют в рамках ОДКБ и ШОС) с тем, чтобы предупреждать провокации, действовать на опережение. И Россия уже показала, что может действовать подобным эффективным образом, когда заранее сообщала гражданскому обществу и мировому сообществу о готовящихся провокациях на Донбассе. В итоге они либо не состоялись, либо не имели эффекта неожиданности, на который был расчет. Самое важное – развивать и совершенствовать имеющиеся коммуникационные каналы с гражданским обществом и с зарубежными партнерами, особенно для России важно развивать сотрудничество в этом вопросе с государствами постсоветского пространства.

Таким образом, результативность дезинформирования «highly likely» как политической технологии в настоящее время обусловлена тем, что, как и в любое переходное время, переломный момент в истории, любой факт, обстоятельство могут быть представлены под выгодным актору углом, поскольку происходят переоценка, переосмысление сложившейся системы политических отношений и нет основополагающего, устойчивого стержня, позволяющего осуществлять фильтрацию поступающей информации. Более того, в гипертрофированном усиленном вследствие глобализации информационном обществе данных по любому более или менее значительному поводу поступает неограниченный поток, что затрудняет критическое осмысление происходящего, чем без труда могут воспользоваться заинтересованные акторы. Достаточно обеспечить поступление из разных источников противоречащих, не согласующихся в некоторых аспектах между собой данных, и акторы окажутся дезориентированными. Следует отметить, однако, что те акторы, кто обычно применяет такую технологию политического манипулирования, как дезинформация, переоценивают свой авторитет – иным акторам в контексте происходивших ранее на мировой арене событий уже недостаточно только «highly likely» оценки происходящего, нужны доказательства. Именно поэтому технологией защиты от дезинформирования, применяемого такими акторами, может служить метод «доведения до абсурда» и выявления несостыкровок в их заверениях, в дополнение к доказыванию того, что происходило и какие действия предпринял актор, что позволит ему сохранить как позиции в отношениях с иными акторами, так и легитимность в глазах гражданского общества.

Список литературы

1. Асламов Б. С., Хомидов А. С. Стратегия и технология гибридных войн: от информационной до психологической (геополитический аспект) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 1 (29). С. 89–94.

2. Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12. С. 140–146.
3. Ваховский А. М. Распространение недостоверной информации в интернете в контексте современного политического процесса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 25–35.
4. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 62–74.
5. Ковалев В. И., Матвиенко Ю.А. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России // Информационные войны. 2016. Т. 40, № 4. С. 20–25.
6. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 4. С. 379–386.
7. Красовская Н. Р. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 93–98.
8. Фалалеев М. А., Ситдикова Н. А., Нечай Е. Е. Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 6. С. 105–108.
9. Жолудь Р. В. Фейковые новости в эру постправды: функциональные аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 3. С. 101–104.

ФУНКЦИИ ОБРАЗА ВРАГА В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Двойненко Максим Олегович

Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
Челябинск, Россия
dvoinenkomo@susu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены функции образа врага в массмедийном политическом дискурсе. Автор обосновывает опрошения политическими акторами к конструированию дискурса о враге на протяжении всей истории общественных отношений. Если на первых этапах развития цивилизации идентификация врага и его образа выполняла скорее защитную функцию, то в информационном обществе зачастую конструирование данного образа имеет сугубо прагматические и символические задачи, лишь иногда выступая фактором политического выживания. Массмедийный конструкт об образе врага рассматривается автором как искусственный продукт, создаваемый посредством медийных технологий в политической коммуникации, который выполняет функцию политической мобилизации, легитимации и политической отсрочки перемен.

Ключевые слова: политический дискурс; образ врага; медиаобразы; легитимация; политическая мобилизация; медиапространство; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации

FUNCTIONS OF THE ENEMY IMAGE IN MASS MEDIA POLITICAL DISCOURSE

Maxim O. Dvoinenko

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
dvoinenkomo@susu.ru

Abstract. The article considers the functions of the enemy image in the mass media political discourse. The author substantiates the use of the enemy discourse by political actors throughout the history of public relations. If at the first stages of the development of civilization, the identification of the enemy and his image was rather a defensive task, then in the information society, the construction of this image often has purely pragmatic and symbolic tasks, only sometimes acting as a factor of political survival. The author considers the mass-media construct about the image of the enemy as an artificial product created by means of media technologies in political communication, which performs the function of political mobilization, legitimization and political postponement of change.

Keywords: political discourse; the image of the enemy; media images; legitimation; political mobilization; media space; media linguistics; media discourse; media texts; mass media

В ходе эволюции общественных отношений место и понимание субъектности врага, особенно на стадии первобытного общества, играло чисто прагматическую функцию. «Враг» – это тот, кто несет непосредственную угрозу физическому выживанию. Такая опасность для наших предков могла быть как со стороны другого биологического вида (хищники, ядовитые растения, явления природы и т. д.), так и со стороны собственного вида (чужак) как форма борьбы за ресурсы, ареал обитания, доминирование. С развитием цивилизации и усложнением общественных отношений появилась угроза (враг), связанная с политическим и социальным выживанием общества и обусловленным им укладом жизни. Антропологи утверждают, что для нас как вида социальное выживание, предполагающее наше место в общественной иерархии, привилегии, статус, привычный уровень потребления, настолько же важно, как и биологическое выживание [1]. Тем самым с самого начала усложнения общественных отношений и развития государственных институтов борьба с врагом посредством придания ему устрашающих качеств выполняла функцию консолидации общественных настроений и становилась социальным ориентиром по формуле «МЫ не есть ОНИ». Образ врага в массовое сознание транслировали субъекты политической власти (политические акторы) через образы культуры, художественный, религиозный дискурс и т. д. Т. Парсонс обосновал неоднородность общества, его сложность, функционирующую в рамках системы: для функционирования этой системы необходимы постоянная опора на устойчивые элементы, которыми являются институты, а также постоянное порождение и укрепление способов связи между ними, в том числе и идеологического характера. Т. Парсонс считал, что лояльность общества относительно системы формирует обязательства по отношению к социальному коллективу как для его членов в целом, так и для государства [2, с. 25]. Дискурсивность такой лояльности достигается посредством борьбы с реальным или потенциальным врагом, а точнее противопоставлением абстрактного МЫ его образу, транслируемому в массовое сознание. Это прагматично с точки зрения социального выживания, а также дает возможность очертить идеологический круг символического врага. С. А. Зелинский рассматривает наличие врага в политической системе с той точки зрения, что враг в политике может быть не реальным, а символическим, тем самым не базирясь в плоскости политики безопасности, а выступая в качестве дискурса, порождаемого ценностной системой общества, который, по сути, охватывает все коммуникационные отношения внутренней и внешней политики. По мнению С. А. Зелинского, идеологический образ врага в политике выражается в преодолении комплексов политической неполноценности (собственных или национальных), активизировании процессов политической мобилизации общества, обосновании любой легитимности

и исключительности – «политика самоочевидного» [3, с. 64], тем самым оказывая эффект стабилизации в функционировании политической системы в целом.

Современный политический дискурс характеризуется перманентностью, многоканальностью и интерактивностью трансляций, становится массмедийным. Массмедийный образ врага можно определить как совокупность представлений, ожиданий о реальной или потенциальной угрозе для политического равновесия, устойчивости политической системы, политической и общественной стабильности в текущих условиях, невозможности реализации анонсированных политических преобразований в социальной сфере. Такой дискурс зачастую транслируется различными каналами традиционных и новых медиа, отличается ситуативностью повестки и выполняет ряд функций, напрямую влияя на устойчивость, привлекательность и легитимность политической власти и отдельных политических акторов, прибегающих к его конструированию.

Стоит отметить, что массмедийный образ врага в политической коммуникации тесно связан со сложившимися социальными и политическими установками общества: в массовом сознании он не возникает естественным образом, а является политическим продуктом. Данный тезис подтверждается исследованиями А. А. Керимова, изучающего массмедийную политическую коммуникацию. Автор утверждает, что массмедийная коммуникация характеризуется переходом от многоканальности к омниканальности и связанным с этим переходом перенасыщением информационной среды [4, с. 37–44].

Функции массмедийного образа врага в политическом дискурсе условно можно разделить на несколько больших групп по достижению символистических и прагматических политических задач.

Мобилизующая или функция побуждения.

В массмедийном аспекте функция политической мобилизации предполагает создание и трансляцию дискурса, направленного на объединение населения вокруг образа, олицетворяющего лидера, идею, отечество и т. д. Отдельно стоит отметить и то, что массмедийный дискурс врага может формироваться политическими акторами при проведении информационной политической кампании – например, в период электоральной кампании или как реакция на вызовы среды (теракты, природные катаклизмы, санкционная несправедливость). Л. Гудков дает определение врага и его функциональности как «явление, представляющее собой субъектный фактор, мобилирующий всех членов общества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения» [5, с. 7–79]. В данном контексте, формируемом массмедийным дискурсом, общество или отдельный его представитель должен пройти испыта-

ния, столкнуться с вызовом в широком смысле этого слова и преодолением трудностей, достижение позитивного исхода возможно только при консолидации вокруг базовой идеи, политического актора и т. д. в противовес абстрактному врагу. Итогом такой консолидации становится ожидание преобразования общественного устройства или частной жизни в позитивном контексте. Побуждая к борьбе с таким врагом, политический актор повышает собственную легитимность, влияет на расширение круга сторонников и рост числа сомневающихся в неоднозначности ситуации, которой противостоит массмедийный дискурс о враге.

Явный минус использования массмедийного образа врага для политической мобилизации – это постоянная необходимость наращивания уровня опасности и общественной тревожности. Тем самым обращение к массмедийному дискурсу врага в период, когда время ограничено, например, рамками электоральной кампании или иным краткосрочным событием, наиболее рационально. В долгосрочной перспективе у общества, скорее всего, разовьются привыкание и принятие потенциальной угрозы. Примером может служить опасность ядерного удара в поздний период холодной войны как потенциальная угроза доминирования и порабощения со стороны противника, которая к 70–80 гг. превратилась в стратегию сдерживания, а советские граждане уже воспринимали данность и относились к ней достаточно спокойно [6].

Функция легитимации.

Легитимность политической власти – это сложное и многоуровневое понятие. Особенность легитимности состоит в том, что политическому актору перманентно необходимо ее подкреплять, так как один из аспектов легитимности – доверие – находится в колеблющемся состоянии, а общественное мнение находится постоянно под влиянием внешних и внутренних факторов политической среды. Использование массмедийного дискурса, опирающегося на новые технологии, является уже устоявшейся мерой государства, особенность состоит лишь в том, что всегда появляются новые форматы и под них актерам нужно постоянно адаптироваться [7, с. 148–151]. В интересующем нас контексте легитимация выполняет функцию объяснения и подкрепления своевременности принятого политического решения, опираясь на конструкт вынужденного его принятия, при необходимости объясняет политические неудачи вмешательством враждебных сил внешнего и внутреннего происхождения. Примером такого явления может служить информационная кампания перед принятием поправок в Конституцию РФ в 2020 году, где одной из идей было сохранение собственной идентичности и отрицание «чуждых» современному российскому обществу паттернов поведения.

Еще один аспект, легитимирующий политическую власть при борьбе с массмедийным врагом, выражен в противодействии глобальным

угрозам – тем, которые несут потенциальную опасность для выживания современного нам общества в целом: мировой терроризм, экология, энергобезопасность, голод и т. д. Борьба с ними в целом повышает политические очки для переизбрания или поднятия своей легитимности. Так, борьба с терроризмом способствовала переизбранию Дж. Буша младшего, который проводил кампанию по борьбе с Усама бен Ладеном, президентом США в 2003 году, такая же стратегия в этот период способствовала легитимации президента РФ В. Путин. Более современный нам массмедийный дискурс политиков предполагает борьбу за экологию: пример – Эммануэль Макрон и атомная энергетика в 2018 году. Также можно отметить борьбу с потенциальным мировым голодом в 2022 году странами коллективного Запада, создание зерновой сделки и т. д. Итог: важна не сама победа над врагом, а информационная кампания относительно самого процесса борьбы.

Функция политической отсрочки перемен.

Данную функцию можно охарактеризовать как крайне прагматичную, и это обусловлено тем, что она находится на стыке мобилизации и легитимизации общественных настроений. В данном случае массмедийный образ врага в политическом дискурсе отвечает на вопрос об отсутствии социальных преобразований, реформ или их несвоевременности. Ярким гиперболизированным примером такого дискурса является деятельность организации «Национально-освободительное движение» (НОД), политический дискурс которой строится на формуле *«в России утерян суверенитет – как его восстановим, так и будут позитивные перемены»*.

Таким образом, образ врага в массмедийном политическом дискурсе имеет особые свойства символической направленности и прагматической политической борьбы. В данном контексте мы рассматриваем дискурс как продукт деятельности политических акторов, выполняющих базовые функции мобилизации населения, легитимизации политической власти и функции интерпретации реальности, выраженной в объяснении отсрочки политических перемен или в институциональной консолидации системы. Как подчеркивалось выше, использование такого дискурсивного конструкта в медийном пространстве целесообразно в краткосрочной перспективе, в долгосрочной же это чревато развитием невосприимчивости общества к транслируемым угрозам, а вместе с этим и необходимостью увеличения градуса тревожности.

Список литературы

1. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. Москва: Альпина Паблишер, 2021. 1550 с.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

3. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. 280 с.

4. Керимов А. А. Об особенностях политических медиакоммуникаций в цифровую эпоху // Koinon. 2022. Т. 3, № 1. С. 37–44.

5. Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. 334 с.

6. Тренин Д. В. Интервью «Реальный страх перед ядерным оружием действительно появился» // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strah-pered-yadernym-oruzhiem/> (дата обращения: 27.02.2023).

7. Брега А. А., Брега Г. В. Изменение политических технологий легитимации власти в условиях сетевизации общества // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 148–151.